

К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**I. ДРЕВНЯЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО
КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)**

**ANCIENT CENTRAL ASIA IN THE EURASIAN CULTURAL CONTEXT
(NEW DATA AND CONCEPTS)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома I: В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо (отв. редакторы),
В. П. Никоноров, В. Я. Стёганцева, В. В. Терёхина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский (Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН, председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв (Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова (ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе (сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка (Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет); к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов (Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ); к. и. н. Н. Н. Скаун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель); к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стёганцева (ИИМК РАН); В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН); И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)

Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 291 с.

ISBN 978-5-907053-34-2

DOI 10.31600/978-5-907053-34-2

Uzboy river, between the Caspian Sea and the Southern Aral Sea area. At the same time, the presence in Media of a tribe of the Orthocorybantians, whose name was a calque of the Old Persian *tigraxaudā* and meant “with pointed caps”, indicates that they could not be anyone else but part of the Sakā *tigraxaudā* who migrated to Media. It is logical to assume that the most plausible starting point for such a migration were the territories located in the western part of Central Asia, between the Caspian and the Aral seas. These circumstances make it possible to identify the Massagetae of Herodotus with the Sakā *tigraxaudā* of the Achaemenid inscriptions. It should be also noted that the tendency appearing in the recent years to put this identity in doubt is based on a very controversial approach to such a kind of epigraphic sources as the royal inscriptions, which excludes any critical attitude towards them.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННИХ КОЧЕВНИКОВ НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА: МОГИЛЬНИК ШАХИДОН (К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДВИЖНЫХ СКОТОВОДОВ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ)

Т. Г. Филимонова*, Н. Сайфуллоев*, Н. А. Дубова**, Р. М. Сатаев**, В. В. Куфтерин**,
Л. В. Сатаева***

* Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, Душанбе, Таджикистан; ** Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия; *** Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-262-264

Ключевые слова: Таджикистан, Бактрия, Тохаристан, подвижные скотоводы раннего средневековья, обряд захоронения, погребальный инвентарь, эквиды, палеоантропология, палеоэкология.

Могильник Шахидон, выявленный в 2011 г., занимает лессовый холм, возвышающийся над аллювиальной долиной р. Сурхоб (38°31'45" в. д.; 69°50'10" с. ш.; в. 1420 м) (Юго-Восточный Таджикистан). В 2013–2015 гг. здесь было вскрыто 29 погребений, большая часть из которых разрушена или ограблена. Отмечается разнотипность погребальных сооружений: однокамерные катакомбные (10 могил), подбойные (13), ямные (2), двухкамерные катакомбно-ямные (2). В двух случаях тип могильной ямы определить не удалось. Не меньшим разнообразием отличаются положения скелетов: чаще всего погребенных укладывали на спину с согнутыми ногами, обращенными вверх коленями и со ступнями, упиравшимися в дно могильной ямы (10 случаев). В одном случае умерший был положен на спину в вытянутом положении, еще в одном — на спину, но его голени были уложены «снаружи и вдоль» бедер так, что пятки находятся под тазом. Имеются захоронения на левом боку в скорченном положении (3). За исключением одного двойного, все захоронения — одиночные. В 21 погребении вместе с останками человека присутствовали костные остатки животных. Они представлены скелетами или «шкурами» лошадей и гибридов осла и лошади, скелетами или «шкурами» крупного и мелкого рогатого скота (далее КРС и МРС); отдельными костями МРС. Под «шкурой» понимается захоронение шкуры животного, снятой вместе с головой и дистальными отделами конечностей. Кроме того, в погребениях встречены кости землеройных животных (сурок и дикобраз). Остатки эквид выявлены в 16 погребениях (в 11 — лошадь, в 5 — гибриды).

Погребальный инвентарь представлен наконечниками стрел и копий, мечом, ножами, стрелами, бронзовыми зеркалами, бусами, серьгами, керамическими сосудами, монетами. Обычно в могилах присутствует поминальная пища — кости МРС и КРС. Микроскопическое изучение образцов грунта из заполнения ряда могил показало высокую

концентрацию в них кремневых образований растительного происхождения, что может свидетельствовать о том, что «шкуры», помещенные в эти погребения, были набиты травой. Другим объяснением феномена может быть использование травяной подстилки, на которую укладывали покойного.

Ритуал захоронений, резко отличный от зороастрийских традиций земледельческого населения раннесредневековой Бактрии-Тохаристана, однозначно указывает на принадлежность могильника к кругу «степных» культур. Разнотипность погребальных сооружений и положений погребенных является свидетельством включения групп, различающихся по культурным традициям в состав племен, двинувшихся на юг в конце раннего средневековья. Эти группы имели некоторые различия в обычаях, но в целом такие различия не выходили за рамки общей для них степной кочевой культуры.

Немаловажным в изучении этого могильника являются фиксируемые контакты между подвижными скотоводами и оседлыми земледельцами, что выражается в присутствии характерных гончарных керамических сосудов, а также в восприятии пришлым населением местных традиций, оставленных в наследство греками, например, ритуала снабжения покойного монетой Харона, положенной в рот (три случая).

Предварительные результаты исследования палеоантропологических материалов из Шахидона (скелетные останки 4 мужчин, 6 женщин, 2 детей и 1 плода, из которых метрические характеристики удалось получить на 1 мужском и 5 женских черепах), показывают, что серия характеризуется большими или средними диаметрами мезокранной мозговой коробки. Искусственная деформация отсутствует. Лоб среднеширокий. Лицо средневисокое, умеренно профилированное по горизонтали. Нос мезоринный, выступает слабо. Орбиты высокие абсолютно и относительно. Слабое выступание носовых костей при умеренной горизонтальной профилировке лица и высоких орбитах позволяет предположить, при общем европеоидном облике черепов, как наличие незначительной «монголоидной» примеси, так и присутствие антропологического компонента, связанного с «палеоевропеоидным» населением степей Евразии. Такое сочетание разных характеристик при их рассмотрении на индивидуальном уровне свидетельствует о «механическом смешении» нескольких компонентов.

В настоящее время могильник является единственным хорошо документированным свидетельством первичного проникновения подвижных скотоводов далеко вглубь земледельческих районов юга Средней Азии в VII–VIII вв.

A NEW MONUMENT OF THE EARLY NOMADS IN THE SOUTH OF TAJIKISTAN: THE SHAKHIDON BURIAL GROUND (ON THE PROBLEM OF THE INTERACTIONS BETWEEN MOBILE CATTLE BREEDERS AND FARMERS)

Tatyana G. Filimonova*, Nuretdin Sayfulloev*, Nadezhda A. Dubova**, Robert M. Sataev**, Vladimir V. Kufterin**, Liliya V. Sataeva***

* A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan; ** Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; *** Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

Keywords: *Tajikistan, Bactria, Toharistan, mobile cattle breeders, Early Medieval, burial rituals, funeral goods, equids, palaeoanthropology, palaeoecology.*

The Shakhidon burial ground of the 7th — 8th centuries AD, which was revealed in 2011, is said about in the paper. It is located in the valley of the Surkhob River. Among the excavated 29 graves, several types of burial structures stand out (one-chamber catacombs, podboys, pit-graves, two-chamber

catacomb-pits). In 10 cases the dead were laid on their backs with their knees bent and turned upward and with their feet resting on the floor of a grave pit; in three cases the dead were in a crouched position on the left side; in two cases the dead were laid on their backs, but their legs were placed differently. In 21 burials there were human remains along with bone remains of animals, including those of 16 equids. The animals are presented either with whole skeletons or with “skins” that were probably stuffed with grass (the skins were removed along with the heads and distal parts of the limbs). The dead could be laid on the grassy bedding. These rituals, which are sharply different from the traditions of the agricultural population of early medieval Bactria-Tokharistan, indicate that the burial ground belonged to a circle of the “steppe” cultures. The heterogeneity of the funerary structures, as well as the paleoanthropological data examined testify to a “mechanical mixing” of several components.

ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ САКСКОГО ВРЕМЕНИ В ЧОН-АЛАЕ

В. А. Кисель*, А. И. Торгоев**, А. Т. Жумабаев***

* Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера),

Санкт-Петербург, Россия; ** Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия;

*** Независимый исследователь, Бишкек, Кыргызстан

DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-264-265

Ключевые слова: Чон-Алай, саки, курганы, наконечники стрел, кинжал, керамика.

В 2018 г. археологическая экспедиция НАН Кыргызстана провела исследования в Чон-Алае. Особый интерес вызвали два кургана.

Курган 4 могильника Боз-Баш состоял из кольца диаметром 4,5 м, сложенного из валунов и «рваных» камней, и примыкавшей к нему квадратной каменной пристройки (1,9 м). Внутри кольца находилась овальная могильная яма (длиной около 2 м, шириной 0,7 м, глубиной 0,6 м), ориентированная по оси СВ–ЮЗ. Погребение оказалось разграбленным. От покойного, лежавшего головой на ЮЗ, сохранилась только часть скелета. Возле кисти правой руки размещались четыре бронзовых трехлопастных наконечника стрел с двумя зажимными лапками.

Курган 4 могильника Кургак представлял собой полусферическую каменную постройку диаметром 2,15 м и высотой 1,7 м, окруженную кольцом диаметром около 4 м. Внутри постройки находилась овальная могильная яма — могила 1 (длина — 1,75 м, ширина — 1,2 м, глубина — 1,0 м), ориентированная по оси З–В. В заполнении были встречены перемещенные грабителями кости двух человек, клык кабарги и фрагменты станковой, покрытой красным ангобом чаши цилиндроконических очертаний без поддона и с вогнутым бортиком. Погребенные располагались один над другим, головой на З. Возле левого бедра нижнего покойного размещались три бронзовых трехлопастных наконечника стрел с тремя зажимными лапками с остатками древков и сухожильной обмотки, железный кинжал с ломаным (бабочковидным?) перекрестьем и антенным навершием и дуговидная шлифованная пластинка из камня. Снаружи к кольцу примыкала каменная выкладка, под которой находилась могильная яма — могила 2 (длина — 1,2 м, ширина — 0,5 м, глубина — 0,5 м). В могиле сохранились ключица и обломки ребра младенца, а также керамический лепной сосуд с резко отогнутым венчиком.

Сходные курганы Чон-Алая уже изучались экспедициями А. Н. Бернштама, Ю. А. Заднепровского и Ю. Д. Баруздина. Исследованные объекты сопоставимы с памятниками актамского типа Ферганской долины. Постройка из могильника Кургак (курган 4) напоминает один из типов ферганских склепов — мугхона (Литвинский 1972: 179, 184–185; Заднепровский 1992: 92), восходящих к сооружениям Узоя и Устюрта и связанных с культурами Южного Приаралья и Южного Урала (Баратов 1991; Таиров 2005: 53–54, 57).